

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТРЕНДЫ

Индекс УДК 316.4

Код ГРНТИ 04.21.51

DOI: 10.22204/2587-8956-2026-125-02-13-28

**В.К. ЛЕВАШОВ,
О.П. НОВОЖЕНИНА***

Институты семьи, детства и старших поколений в парадигме устойчивого демографического развития российского общества

В статье рассматриваются актуальные проблемы устойчивого развития институтов семьи, детства и достойной старости в контексте национальных целей развития Российской Федерации до 2030–2036 гг. Опираясь на стратегические документы, данные ВЦИОМ, ФОМ, мониторинга «Как живёшь, Россия?» (ИСПИ ФНИСЦ РАН, 55-й этап), а также рецензируемые публикации 2022–2026 гг., авторы исследуют, в какой мере реальное состояние названных социальных институтов соответствует декларируемым государством приоритетам. Выявлен устойчивый паттерн: высокая нормативная и ценностная поддержка всех трёх институтов сочетается с выраженными разрывами между государственными приоритетами и фактическими условиями их реализации. Для института семьи такой разрыв определяется зависимостью семейных и репродуктивных стратегий от доступности жилья и устойчивости доходов. В сфере детства фиксируется имущественная и территориальная сегментация доступа граждан к качественной инфраструктуре. Для института достойной старости характерна незрелость системы услуг и долговременного ухода на фоне растущей продолжительности жизни населения. Обосновывается, что накопившиеся сбои и разрывы трансформируются из частных социальных трудностей в риски доверия к институтам и социально-политической устойчивости. Сделан вывод о необходимости синхронизации нормативных приоритетов с ресурсными и инфраструктурными условиями их воплощения.

Ключевые слова: национальные цели развития, Национальный проект «Семья», социальные институты, социально-политическая устойчивость, социальная справедливость, ценностный консенсус, доверие к институтам, нормативные разрывы, зоны социального напряжения, институт семьи, семейная политика, трансформация семейных практик, репродуктивное поведение, инфраструктура детства, имущественная сегментация, региональное неравенство доступа, достойная старость, система долговременного ухода

* **Левашов Виктор Константинович** — доктор социологических наук, директор Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра (ИСПИ ФНИСЦ) РАН.

E-mail: levachov@mail.ru

Новожеина Ольга Петровна — старший научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН.

E-mail: olganov@yandex.ru

С конца XX – начала XXI в. социальные институты семьи, детства и достойной старости утверждаются в качестве ключевых приоритетов в стратегических документах устойчивого развития ООН и в парадигме устойчивого социально-экономического и социально-политического развития Российской Федерации [1]. Указ Президента РФ, определяющий национальные цели развития до 2030 г. с целевым горизонтом до 2036 г., фиксирует среди базовых ориентиров сохранение населения, укрепление здоровья и благополучия, поддержку семьи, а также формирование инфраструктуры активного долголетия и достойной старости. В рамках Национального проекта «Семья», объединяющего пять федеральных проектов («Многодетная семья», «Поддержка семьи», «Охрана материнства и детства», «Старшее поколение», «Семейные ценности и инфраструктура культуры»), ведётся комплексная работа по развитию институтов детства, активного долголетия и паллиативной помощи гражданам старших поколений (ил. 1) [2]¹.

Активное институциональное оформление семейной, демографической и возрастной повестки позиционируется как парадигма – совокупность теорий, методов и ценностей, разделяемых учёными, — и выступает как научно обоснованный ответ на взаимосвязанные глобальные и национальные вызовы: демографический кризис, старение населения, трансформации брачно-репродуктивного поведения, имущественную дифференциацию и рост требований к качеству социальной инфраструктуры. В научной литературе

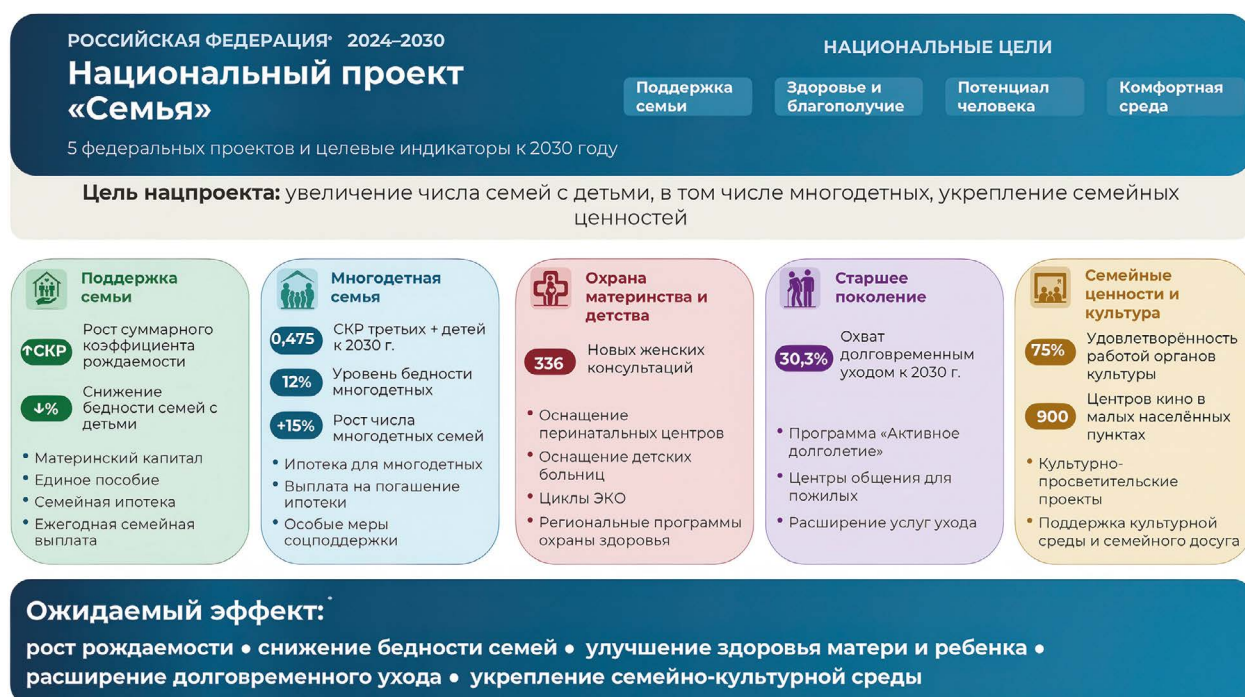
семья репрезентируется как традиционная ценность и морально-нравственная основа государства, детство утверждается как безусловный приоритет, а достойная старость трактуется как индикатор цивилизованности общества. Данные массовых опросов ИСПИ ФНИСЦ РАН, ВЦИОМ и ФОМ 2020-х гг. фиксируют широкую общественную поддержку этих ориентиров: высокое место семьи в иерархии жизненных ценностей, ориентация на традиционные ценности и запрос на усиление мер поддержки семей с детьми и пожилых родителей [3–6]².

Вместе с тем в публичной сфере и в академическом дискурсе накапливаются признаки структурных противоречий и дисфункций институтов семьи, детства и старших поколений. Социологические исследования указывают на трансформацию семейных установок и практик: рост числа разводов, сдвиг сроков вступления в брак и рождения первого ребёнка, увеличение доли неполных домохозяйств, усиление значимости материальных факторов при репродуктивных решениях. Анализ семейной политики и региональных практик подчёркивает существенную дифференциацию условий реализации семейных и родительских ролей и неоднородность доступности социальной поддержки между регионами и социальными группами [2, 4, 5, 7–9].

Инфраструктура детства при сохранении официального курса на «приоритет детства» демонстрирует выраженные различия в доступе к качественным услугам образования, культурным и спортивным практикам в зависимости от региона,

¹ Национальный проект «Семья» // Национальные проекты РФ. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/>; Национальный проект «Семья» // Минтруд РФ. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/nasproekt_semya; Национальный проект «Семья» // Правительство РФ. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/915/main/> (дата обращения: 26.05.2026).

² Традиционные ценности в российском обществе // ФОМ. 06.09.2024. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15068>; ФОМ: 85% опрошенных россиян привержены традиционным ценностям // Вести.ру. 06.09.2024. URL: <https://www.vesti.ru/article/4130133>; Семья и брак в России XXI века // ВЦИОМ. 12.05.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka>; Опрос ВЦИОМ: Для россиян семья — главная ценность // Газета «Правда Севера». 08.07.2025. URL: <https://pravdasevera.ru/2025/07/08/686cc79440eae1cbe064e39.html> (дата обращения: 26.05.2026).

Ил. 1. Национальный проект «Семья»

типа поселения и дохода домохозяйства. Расширение рыночных практик платных кружков и секций создаёт эффект девальвации «многоэтажной инфраструктуры», сегментируя её по имущественному критерию: усиливается стартовое институциональное неравенство и расширяется зона напряжения вокруг представлений о социальной справедливости [2, 5]¹.

Сопоставимую проблемность приобретает инфраструктура активного долголетия и становление системы паллиативного долговременного ухода. Исследования фиксируют существенные функциональные ограничения: дефицит финансирования и кадров, недостаточную системную согласованность медицинских и социальных служб, региональную неоднородность доступности услуг. Резонансные чрезвычайные ситуации в частных пансионатах обнажили риски полутеневого сегмента рынка, в котором возможности

контроля государства и гражданского общества сталкиваются с недостаточными правовыми ресурсами защиты [10, 11].

Стратегический замысел национальных целей в сферах поддержки семьи, инфраструктуры детства и достойной старости опирается на предполагаемое совпадение целей социального государства и гражданского общества. Вместе с тем эмпирические данные фиксируют устойчивые расхождения между заявленными приоритетами и реальными ресурсными и институциональными возможностями их реализации, потенциально выступающие источником рисков для социально-политической устойчивости [4, 5]. В связи с этим исследовательский вопрос формулируется следующим образом: какие наиболее существенные проблемы и противоречия в постановке и реализации указанных национальных целей несут наибольшие риски для партнёрства госу-

¹ Продвижение России по пути устойчивого развития // НИУ ВШЭ. Институт статистических исследований и экономики знаний. 06.05.2025. URL: <https://issek.hse.ru/news/1043155168.html>; Регионы России и цели устойчивого развития ООН // Российская ассоциация содействия ООН. URL: https://una.ru/region_evolution (дата обращения: 26.05.2026).

дарства и гражданского общества и для устойчивости российских социальных и политических институтов?

Цель данной статьи — выявить, каким образом национальные цели Российской Федерации в области поддержки семьи, развития инфраструктуры детства и инфраструктуры социально защищённой старости институционально и содержательно определяют партнёрские отношения между ними, государством и гражданским обществом, а также какие риски и противоречия при этом формируются.

Для достижения цели решались следующие задачи:

1. Проанализировать нормативное закрепление национальных целей по трём направлениям жизнедеятельности социума в государственной стратегии развития.
2. Сопоставить официальную постановку целей с ключевыми запросами и ожиданиями населения на основании данных социологических исследований.
3. Определить разрывы между декларируемыми приоритетами (семья как традиционная ценность, приоритет детства и старшего поколения) и ресурсными либо институциональными возможностями их реализации.
4. Оценить, в каких точках указанные разрывы могут приобретать значение угрозы для доверия к институтам гражданского общества и социально-государства и в целом к социально-политической устойчивости.

Методы, инструменты и источники исследования

Исследование опирается на анализ научных и нормативных источников, данных массовых опросов и аналитический

обзор рецензируемых научных публикаций 2022–2026 гг., что обеспечивает сопоставление официальной постановки целей и задач с эмпирическими свидетельствами о практиках, ожиданиях и оценках населения, а также с экспертными оценками устойчивости социально-политического функционирования институтов семьи, детства и старших возрастных поколений.

Анализ документов

Первая группа источников включает стратегические и нормативные документы федерального уровня: Указ Президента РФ о национальных целях развития до 2030 г. и на период до 2036 г.; официальные материалы по национальному проекту «Семья»; стратегические документы в сфере семейной и демографической политики, уточняющие роль традиционных семейных ценностей и приоритеты поддержки семей с детьми¹.

Дополнительно рассматривались отраслевые и региональные материалы, отражающие практическую реализацию национальных целей: методические документы по устойчивому сбережению детства и поддержке семьи, региональные программы и отчётность по проектам «Старшее поколение» и развитию системы долговременного ухода. Отбор источников осуществлялся по критерию непосредственной связи с целями в сферах семьи, детства и старших поколений и наличию явной отсылки к системе национальных целей.

Анализ документов проводился путём выделения формулировок целей и целевых индикаторов по трём институциям (семья, детство, старость) и выявления предполагаемых механизмов реализации (инструменты поддержки, инфраструк-

¹ Стратегия действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/r10o4FJgcqMhYx2bGAJRxMNNS2m7p mN4.pdf>; Национальный проект «Семья» // Правительство РФ. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/915/main/>; Национальный проект «Семья» // Минтруд РФ. URL: https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/nasproekt_semya; Нацпроект «Семья» // Дом.РФ. URL: <https://спроси.дом.рф/instructions/natsproekt-semya/> (дата обращения: 26.05.2026).

турные решения, формы участия населения) и ожидаемых эффектов для устойчивости соответствующих институтов.

Вторая группа источников — репрезентативные опросы населения ведущих российских социологических центров: ИСПИ ФНИСЦ РАН, ВЦИОМ, ФОМ, а также НАФИ, опубликованные в 2022–2026 гг. в формате отчётов и аналитических обзоров¹.

Вторичный анализ предполагает сопоставление трёх уровней информации: а) декларируемых ценностей и установок (семья, традиционные ценности, представления о «хорошей» семье и «достойной старости»); б) оценок населением конкретных инструментов государственной политики (финансовые меры, доступ к детским учреждениям, качество медико-социальных услуг для пожилых); в) восприятия справедливости и доступности ресурсов (ощущаемое неравенство, барьеры, избирательность помощи). Такой подход позволяет оценить, в какой мере официальная рамка национальных целей соотносится с запросами граждан и где возникают наиболее значимые разрывы.

Третья группа источников — рецензируемые научные публикации в российских журналах по социологии, социальной политике и демографии за 2022–2026 гг., отобранные по ключевым словам: семейная политика, традиционные семейные ценности, трансформация семейных установок, инфраструктура детства, социальное неравенство в доступе к услугам, система долговременного ухода, достойная старость.

Обзор научной литературы позволил уточнить эмпирическую картину и задать понятийные рамки анализа: дискуссии о «кризисе института семьи», о моделях

устойчивой семейноцентричной демографической политики, о критериях устойчивости институтов детства и старости.

На заключительном этапе для каждого направления (семья, детство, старость) сопоставлялись официальная постановка целей; эмпирические данные о запросах и оценках населения; выводы научных исследований о тенденциях и структурных ограничениях. На основе сопоставления выделены ключевые «зоны напряжения» — устойчивые разрывы между декларируемыми приоритетами и фактическими практиками — и оценено их потенциальное воздействие на партнёрские отношения государства и гражданского общества, а также на социально-политическую устойчивость.

Предложенный методологический подход позволяет сосредоточить внимание на внутренних резервах воспроизводства и трансформации институтов семьи, детства и старости в современной России, а также на противоречиях, требующих первоочередного внимания при совершенствовании государственной и гражданской политики.

Институт семьи: высокая ценностная поддержка при изменении семейных практик и ограниченности ресурсной базы

Анализ стратегических документов показывает, что институт семьи закреплён как один из центральных объектов нормативной и практической материальной поддержки. Указ о национальных целях развития Российской Федерации включает в число базовых ориентиров сохранение населения, укрепление здоровья и благополучия людей, а также

¹ Традиционные ценности в российском обществе // ФОМ. 06.09.2024. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15068>; Семья и брак в России XXI века // ВЦИОМ. 12.05.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-i-brak-v-rossii-xxi-veka>; Опрос ВЦИОМ: Для россиян семья — главная ценность // Газета «Правда Севера». 08.07.2025. URL: <https://pravdasevera.ru/2025/07/08/686cc79440eaf1cbe064e39.html>; Год семьи в России: итоги // ВЦИОМ. 21.01.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/god-semi-v-rossii-itogi> (дата обращения: 26.05.2026).

поддержку семьи¹. Эта композиция целей и усилий получает дальнейшее развитие в национальном проекте «Семья», где в единую конфигурацию социально-демографической стратегии объединяются меры по поддержке семей с детьми, снижению бедности, развитию социальной инфраструктуры и поддержке старшего поколения². Тем самым семья выступает не частной темой демографической политики, а одним из ключевых институтов, через которые государство стремится стимулировать расширенное социальное воспроизводство и укрепить устойчивость общества³.

На уровне общественного сознания эта постановка вопроса опирается на выраженный общественно-ценностный консенсус. По данным ФОМ, 85% россиян считают себя приверженцами традиционных ценностей и прежде всего связывают их с семьёй, домом, детьми, уважением к старшим и родителям⁴. ВЦИОМ в 2025 г. также зафиксировал, что семья остаётся главной традиционной ценностью: 68% респондентов относят крепкую семью к числу базовых ценностей, а 49% прямо называют семью главной традиционной ценностью России⁵. Социологический мониторинг ИСПИ ФНИСЦ РАН «Как живёшь, Россия?» показал, что крепкую семью считали наиболее значимой для обеспечения суверенитета, безопасности и устойчивого развития российского государства и обще-

ства в 2024 г. 51%, в 2025 г. — 45% респондентов [3, с. 59]. В этом смысле можно говорить о высокой нормативной и гражданской легитимности государственной семейноцентричной политики: семейная проблематика не навязывается обществу извне, а встроена органически в устойчивую систему массовых ценностей и представлений о нормальной и желательной социальной жизни.

Вместе с тем данные социологических исследований показывают, что высокая ценностная значимость семьи сочетается с заметной трансформацией самих семейных практик. По данным ВЦИОМ, мотив продолжения рода как причину вступления в брак называли в 2005 г. 39% опрошенных, в 2025 г. — уже 25%⁶; фиксируется ослабление каузальной связи «брак — рождение детей» при усилении символического характера брака как формы личного эмоционального выбора. В научных публикациях 2022–2026 гг. эти изменения описываются как признаки трансформации, а не исчезновения семейного института: исследователи фиксируют рост индивидуализированных стратегий жизненного планирования, откладывание вступления в брак и рождения первого ребёнка, растущую зависимость семейных решений от качества жилья, доходов и доступности социальной поддержки. Государственная риторика о семье как безусловной опоре общества сталкивается

¹ Указ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/73986> (дата обращения: 26.05.2026).

² Национальный проект «Семья» // Правительство РФ. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/915/main/>; Национальный проект «Семья» // Национальные проекты РФ. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/> (дата обращения: 26.05.2026).

³ Заседание Президиума Госсовета по вопросу развития инфраструктуры для жизни // Президент России. 15.04.2025. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76685>; Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам // Президент России. 6.06.2025. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/77115> (дата обращения: 26.05.2026).

⁴ Традиционные ценности в российском обществе // ФОМ. 06.09.2024. URL: <https://fom.ru/TSennosti/15068> (дата обращения: 26.05.2026).

⁵ Традиционные ценности: ожидание и реальность // ВЦИОМ. 08.07.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tradicionnye-cennosti-ozhidanie-i-realnost> (дата обращения: 26.05.2026).

⁶ Семья и брак в России XXI века // ВЦИОМ. 12.05.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semya-i-brak-v-rossii-xxi-veka> (дата обращения: 26.05.2026).

с вариативной социальной реальностью, в которой традиционные ценностные установки сосуществуют с новыми моделями повседневного поведения [12–14].

Ключевой зоной напряжения в семейной сфере оказывается разрыв между декларируемой социальной ценностью семьи и фактическими ресурсными условиями её устойчивости. По данным ВЦИОМ об итогах Года семьи, граждане прежде всего ожидали продолжения финансовой поддержки семей (27%) и помощи в решении жилищного вопроса (23%). Существенно реже в качестве наиболее значимых назывались информационные и культурно-пропагандистские меры¹. Аналогичным образом в исследовании ВЦИОМ о демографическом поведении собственное жильё и высокий доход рассматриваются россиянами как важнейшие условия для улучшения демографической ситуации². Это позволяет сделать принципиальный вывод: общество поддерживает приоритет семьи, но воспринимает его реалистично — через доступ к жилью, устойчивому доходу и инфраструктуре практически проявляющейся заботы.

Материально-ресурсная чувствительность семейной сферы подтверждается, в частности, результатами мониторинга ИСПИ ФНИСЦ РАН «Как живёшь, Россия?». Согласно данным 55-го этапа мониторинга, в мае 2025 г. 57% респондентов охарактеризовали материальное положение своей семьи как среднее, 19% — как хорошее, тогда как 21% — как плохое или очень плохое [3, с. 92–93]. Параллельно выявляются практики повседневного самоограничения в отдельных сегментах потребления, что позволяет говорить о сохраняющемся напряжении семейного бюджета и о зависимости социальной устойчивости домохозяйств от внешней экономической конъюнктуры (ил. 2) [3, с. 78–79]. Вследствие

этого решения, связанные с созданием семьи, рождением детей и расширением домохозяйства, принимаются в условиях ограниченных, а во многих случаях нестабильных ресурсов.

Показательно сопоставление двух результатов ВЦИОМ за 2025 г. С одной стороны, семья сохраняет статус главной ценности и осмысливается как опора «нормальной» жизни; с другой — мотив продолжения рода как основание для вступления в брак выражено ослаб, а ключевыми предпосылками улучшения демографической ситуации названы наличие собственного жилья и высокий доход. Это свидетельствует не об эрозии института семьи, а о его постепенной перенастройке: символическое признание сохраняется, но практическая устойчивость всё в большей мере определяется ресурсной базой семьи.

Инфраструктура детства: приоритет в нормативной рамке и сегментация возможностей в социальной реальности

Анализ стратегических документов показывает, что инфраструктура детства рассматривается государством как составная часть более широкой практики повышения качества жизни и устойчивого демографического развития. Указ о национальных целях включает капитальный ремонт нуждающихся зданий дошкольных и общеобразовательных организаций, развитие комфортной и безопасной среды для жизни, снижение бедности семей с детьми, а также создание условий для развития потенциала каждого человека. В рамках национального проекта «Семья» этот подход усиливается: поддержка ребёнка связывается не только с образованием и здравоохранением, но и с общей ресурсной устойчивостью семьи, город-

¹ Год семьи в России: итоги // ВЦИОМ. 21.01.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/god-semi-v-rossii-itogi> (дата обращения: 26.05.2026).

² Квартирный ответ на демографический вопрос // ВЦИОМ. 12.08.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/kvartirnyi-otvet-na-demograficheskii-vopros> (дата обращения: 26.05.2026).

Ил. 2. Индекс самоограничения в потреблении. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как часто за последние двенадцать месяцев Вашей семье приходилось ограничивать себя в следующем?» (РФ, май 2025, N = 1300)

ского пространства и инфраструктуры повседневности, а согласно Указу Президента РФ от 17.05.2023 г. № 358 — с комплексной безопасностью детей¹. В институциональном плане детство тем самым закрепляется как безусловный приоритет социальной политики.

Однако при переходе от нормативного уровня к эмпирическому проявляется выраженная неоднородность реальных условий, в которых дети получают доступ к образованию, досугу и развиваю-

щим возможностям. Между крупными городами и сельскими территориями сохраняются заметные различия по качеству школьной среды, доступности дошкольных учреждений [15], цифровой обеспеченности², спектру культурных и спортивных сервисов. Формально единая инфраструктура детства на практике оказывается пространством неравномерного доступа, где тип поселения и регион заметно влияют на стартовые возможности ребёнка [16]³.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 17.05.2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/49230> (дата обращения: 26.05.2026).

² В Академии проанализировали долю школьников, охваченных электронным обучением // РАНХиГС. URL: <https://www.ranepa.ru/news/v-akademii-proanalizirovali-dolyu-shkolnikov-okhvachennykh-elektronnym-obucheniem/> (дата обращения: 26.05.2026).

³ Обеспеченность детей дошкольного возраста местами в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам дошкольного образования, присмотр и уход за детьми в Республике Алтай // Росстат. URL: <https://22.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Обеспеченность%20детей%20местами.pdf> (дата обращения: 26.05.2026).

К территориально-пространственной неоднородности добавляется социальная. Даже там, где базовые образовательные и дошкольные учреждения доступны формально, реальные возможности ребёнка всё в большей степени зависят от ресурсов семьи: способности оплачивать кружки, секции, дополнительные образовательные занятия, транспорт, цифровые сервисы и иные формы «надстройки» над базовой инфраструктурой. В результате внешне единая и общедоступная система всё в большей мере сегментируется по имущественному признаку. Такая сегментация не обязательно принимает форму открытой коммерциализации всей системы, но устойчиво воспроизводит различия в объёме и качестве тех возможностей, которые реально получают дети из разных семей.

Имущественная дифференциация в доступе к инфраструктуре детства постепенно трансформируется из частной проблемы отдельных семей в более широкий вопрос социальной справедливости и воспроизводства неравенства. Для семей с ограниченными ресурсами дополнительные образовательные и досуговые услуги – условие успешного будущего ребёнка, а не вопрос комфорта [5].

Восприятие населением результатов семейной и детской политики указывает на ограниченность заметного инфраструктурного эффекта. По данным ВЦИОМ, россияне значительно чаще замечали усиление социальной поддержки, чем реальные улучшения инфраструктуры. Среди изменений назывались прежде всего рост материальной помощи семьям, тогда как открытие новых школ и детских садов, благоустройство и улучшение детской инфраструктуры фиксировались сравнительно редко. Аналогично в перечне мер, которые население хотело бы видеть продолженными, наряду с финансовой поддержкой фигурировали строительство школ и детских

садов, а также бесплатные кружки и секции. Иными словами, в массовом восприятии сфера детства остаётся не до конца обеспеченной теми инфраструктурными ресурсами, которые граждане считают социально необходимыми¹. В результате даже при наличии формально общих институтов образования и воспитания реальная инфраструктура детства воспроизводит социальное различие, чувствительное для восприятия социальной политики как справедливой или несправедливой.

Таким образом, институт детства в российской политике обладает высоким нормативным приоритетом, но в реальной социальной практике остаётся пространством территориальной и имущественной дифференциации. Ключевая зона напряжения связана не с отсутствием государственной заботы, а с тем, насколько формально универсальная инфраструктура эффективна в условиях нарастающей зависимости от финансового ресурса семьи. Результаты ВЦИОМ демонстрируют слабую заметность инфраструктурных изменений и устойчивый запрос на бесплатные кружки, секции, строительство школ и детских садов.

Институциональное признание проблемы старших поколений и дефицит устойчивости культуры заботы, инфраструктуры и паллиативной помощи

Включение старшего поколения в систему национальных целей отражает существенную корректировку представлений о социальной политике. В Указе о национальных целях проблематика старости увязывается с формированием условий для активного долголетия и расширением охвата услугами долговременного ухода – не менее чем до 500 тысяч человек к 2030 г. [2]. В логике национального проекта «Семья» направление «Старшее поколение» закрепляет идею достойной старости как пара-

¹ Год семьи в России: итоги // ВЦИОМ. 21.01.2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/god-semi-v-rossii-itogi> (дата обращения: 26.05.2026).

дигму более широкой семейно-социальной политики, выводя старость за пределы пенсионной или исключительно медицинской трактовки в самостоятельную инфраструктурную задачу¹.

Публикации последних лет, посвящённые системе долговременного ухода, позволяют заключить, что в институциональном плане в России действительно складывается новая модель социального сопровождения пожилых людей и инвалидов. Авторы исследований указывают на расширение охвата, на развитие надомных форм поддержки, появление дневных форм помощи, а также на более плотную координацию между социальным обслуживанием и системой здравоохранения. В данном аспекте эмпирические наблюдения скорее свидетельствуют не о стагнации, а о динамике: старость становится объектом более пристального государственного внимания, а долговременный уход — отдельным направлением социальной модернизации [10, 11]².

Вместе с тем те же источники фиксируют выраженные структурно-функциональные ограничения. Наиболее часто упоминаются кадровый дефицит, недостаточность финансирования, высокая зависимость качества ухода от ресурсных возможностей конкретного региона, а также сохраняющийся разрыв между медицинским и социальным сопровождением. Это позволяет говорить о том, что развитие системы происходит при неполной институциональной зрелости: инфраструктура старости расширяется, однако по-прежнему остаётся неоднородной, ограниченной в ресурсном отношении и не воспринимается населением как социально эффек-

тивная и устойчивая. Подчёркнём, что подобная незрелость связана не только с набором услуг, но и с вопросами достоинства, безопасности и базового доверия к институтам заботы.

Специфика российской ситуации заключается также в том, что значительная часть повседневного ухода за пожилыми по-прежнему остаётся возложенной на семью. Даже при расширении государственных сервисов именно домохозяйства остаются ключевыми субъектами повседневной заботы, организации лечения, сопровождения и бытовой поддержки. Тем самым напряжения в сфере старости неразрывно связаны с напряжениями в институте семьи: дефицит формального ухода означает перегрузку семейных ресурсов, особенно в условиях ограниченного дохода, жилищной тесноты и нестабильной занятости. В этом смысле инфраструктура старости оказывается тесно вплетённой в общую систему семейной устойчивости.

Наиболее чувствительной зоной риска выступает частный сегмент ухода, развивающийся на фоне роста потребности в постоянном сопровождении пожилых. При слабом гражданском и государственном контроле именно здесь концентрируются высокие риски. Показателен случай пансионата «Долгожитель» в Видном (декабрь 2025 г.): массовое отравление постояльцев, 54 пострадавших, несколько погибших, деятельность учреждения приостановлена по решению суда на 90 суток из-за нарушений санитарно-эпидемиологических требований. Этот случай важен как симптом институциональной уязвимости: спрос на уход растёт быстрее, чем способность контроля обес-

¹ Национальный проект «Семья» // Правительство РФ. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/915/main/>; Национальный проект «Семья» // Национальные проекты РФ. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/>; Старшее поколение // Национальные проекты РФ. URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/starshee-pokolenie/> (дата обращения: 26.05.2026).

² Правительство расширит программу долговременного ухода за пожилыми // Деловой журнал Vademecum. 14.04.2025. URL: <https://vademec.ru/news/2025/04/14/pravitelstvo-rasshirit-programmu-dolgovremennogo-ukhoda-za-pozhilymi/> (дата обращения: 26.05.2026).

печивать безопасность и прозрачность со-ответствующих услуг¹.

Примеры из других регионов подтверждают системный, а не единичный характер проблемы. В Химках (март 2026 г.) после пожара в пансионате возбуждено уголовное дело об оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности; в Санкт-Петербурге (февраль 2026 г.) суд запретил деятельность пансионата «Дом Анастасия» из-за неустранённых нарушений противопожарной безопасности; в Татарстане (2024–2026 гг.) суд вынес приговор организатору пансионата в Щербаково; в Белгороде (январь 2025 г.) суд приостановил работу частного дома престарелых «Забота и уют». Совокупность этих ситуаций выявляет устойчивую проблемную зону на стыке старения населения, роста спроса на уход и недостаточной прозрачности частного сегмента².

На этом фоне инфраструктура старости становится одной из наиболее чувствительных сфер с точки зрения доверия к институтам. Если для семьи основным дефицитом выступают жильё и доход, а для детства — неравномерность доступа к качественным возможностям, то для старости центральной становится тема надёжности ухода и безопасности пожилого человека. Старшее поколение нередко выступает той сферой жизни социума, в которой сбои социальной политики переживаются наиболее болезненно, поскольку они затрагивают не только повседневное удобство или субъективно воспринимаемое качество жизни, но также вопросы физической уязвимости, зависимости от посторон-

ней помощи и сохранения человеческого достоинства.

В государственной политике сделан существенный шаг к институциональному признанию системы долговременного ухода, однако степень сформированности соответствующей инфраструктуры пока не соответствует масштабу общественного запроса. Ключевая зона напряжения складывается на пересечении трёх обстоятельств: роста числа людей, нуждающихся в уходе; перегрузки семей, фактически остающихся основными носителями ежедневной заботы; существования сегментов частного рынка, где дефицит контроля создаёт риски для безопасности. В такой конфигурации вопрос достойной старости выходит за рамки узкоотраслевой политики и приобретает государственное социально-политическое значение.

Общие паттерны устойчивости и напряжения

Сопоставление трёх рассмотренных сфер позволяет зафиксировать общий паттерн. Семья, детство и старость обладают выраженной символической значимостью в стратегических документах и общественном восприятии, однако именно вследствие их моральной и политической нагруженности эти институты особенно чувствительны к разрывам между декларируемыми приоритетами и фактическим распределением ресурсов. В случае семьи разрыв проявляется в обусловленности репродуктивных стратегий жилищными условиями и уровнем доходов; в сфере детства — в сочетании формально универсальной инфраструктуры с реальной

¹ В подмосковном пансионате, где от отравления умерли люди, нашли нарушения // РИА Новости. 11.01.2026. URL: <https://ria.ru/20260111/pansionat-2067193609.html> (дата обращения: 26.05.2026).

² В связи с пожаром в пансионате в Химках возбуждено уголовное дело // Интерфакс. 13.03.2026. URL: <https://www.interfax.ru/moscow/1077789>; Макаров А. Суд запретил работу пансионата для пожилых и инвалидов на юге Петербурга // 78.ru. 25.02.2026. URL: <https://78.ru/news/2026-02-25/sud-zapretil-rabotu-pansionata-dlya-pozhilih-i-invalidov-na-yuge-peterburga>; Шатров Д. «Запретить ухаживать за пенсионерами»: суд вынес приговор хозяйке пансионата в Щербаково // Татар-информ. 20.04.2026. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/zapretit-uxazivat-za-pensionerami-sud-vynes-prigovor-hozyaike-pansionata-v-shherbakovo-6024575>; Суд приостановил работу частного дома престарелых в Белгороде // Бел.ру. 30.01.2025. URL: <https://bel.ru/news/2025-01-30/sud-priostanovil-rabotu-chastnogo-doma-prestarelyh-v-belgorode-5311602> (дата обращения: 26.05.2026).

территориальной и имущественной сегментацией; в отношении старости – в несоответствии между растущей потребностью в достойном уходе и недостаточно сформировавшейся системой долговременного сопровождения. Нормативное признание трёх ключевых институтов опережает степень их фактического инфраструктурного обеспечения.

Другой сквозной вывод: частные трудности в указанных сферах сравнительно быстро приобретают демографический и политический смысл. Проблемы семьи, ребёнка или пожилого родственника становятся основанием для оценки справедливости социальной политики и надёжности государства. Поэтому выявленные зоны напряжения обладают не только социальным, но и социально-политическим значением: они затрагивают доверие граждан к системе и готовность воспринимать её как справедливую и ориентированную на защиту базовых жизненных интересов.

Выводы и заключение

Проведённый анализ показывает, что институты семьи, детства и достойной старости в современной России занимают центральное место в системе национальных целей и в общественном ценностном сознании. Семья сохраняет статус ключевой традиционной ценности, детство закреплено как безусловный приоритет, а достойная старость оформляется как самостоятельное направление государственной социальной политики.

Вместе с тем именно высокая символическая значимость этих сфер делает особенно заметными разрывы между декларируемыми целями и повседневной социальной реальностью. В семейной сфере таким разрывом становится зависимость брачных и репродуктивных стратегий от материального положения и жилищных условий, в детской – неравномерность доступа к качественной инфраструктуре и усиление имущественной дифференциации возможностей, в сфере

старости – несоответствие между растущим спросом на надёжный уход и пока недостаточно зрелой инфраструктурой долговременного сопровождения. Устойчивость институтов семьи, детства и достойной старости в современной России и её регионах определяется не только их высоким символическим статусом, но и тем, в какой мере государство и общество способны сокращать наиболее чувствительные разрывы между задаваемой государством нормативной рамкой и практикой реализации семейной политики. Там, где такие разрывы сохраняются, формируются наиболее значимые зоны напряжения – прежде всего в вопросах семейной ресурсной устойчивости, равенства детских возможностей и надёжности ухода за пожилыми. Именно эти зоны и образуют ядро тех рисков, которые в наибольшей степени затрагивают устойчивость социальных институтов и – шире – устойчивость общественного порядка. В тех точках, где общество ожидает от государства и гражданских институтов наиболее зримой и справедливой поддержки, несоответствие между ожиданиями и опытом способно снижать доверие и усиливать ощущение социальной несправедливости.

Выявленные особенности функционирования институтов семьи, детства и старости обладают общим парадигмальным ядром: национальные цели и общественные ожидания в этих сферах в целом совпадают, однако ресурсные, инфраструктурные и организационные ограничения порождают устойчивые разрывы между декларациями и повседневной практикой, формируя зоны социального напряжения, влияющие на доверие к институтам и восприятие социальной справедливости (табл.).

Как видно из представленной таблицы, в центре проблемы эффективного социально-политического взаимодействия институтов семьи, детства и старших поколений находится не отсутствие общественной поддержки, а разрыв меж-

Таблица

**Механизм формирования зон напряжения вокруг институтов семьи,
детства и старости**

Инсти- тут	Национальные цели и приоритеты	Ожидания общества	Ограничения реализации	Зоны напряжения	Риски для доверия и устойчивости
Семья	Поддержка семьи, снижение бедности семей с детьми, стимулирование рождаемости включены в национальные цели и нацпроект «Семья».	Семья – главная жизненная и традиционная ценность для большинства россиян.	Ограниченные доходы, жилищные проблемы, необходимость самоограничения в потреблении; семейные решения зависят от ресурса домохозяйства.	Ценностное признание семьи как нормы не всегда подкреплено устойчивой ресурсной возможностью жить «по-семейному», создавать и расширять семью, рожать желаемое число детей.	Разочарование в эффективности семейной политики, рост чувства несправедливости, если декларации поддержки семьи не ведут к реальному улучшению условий семейной жизни.
Детство	Приоритет детства, развитие инфраструктуры образования, досуга и безопасной среды закреплены в национальных целях и нацпроекте «Семья».	Ожидание равных стартовых возможностей для детей, доступности качественного образования, кружков и секций вне зависимости от места жительства и дохода семьи.	Региональная и имущественная неоднородность инфраструктуры; различия в качестве школ и детских садов; зависимость доступа к дополнительному образованию и досугу от дохода семьи.	Формально универсальная инфраструктура детства на практике сегментируется по территориальному признаку; население слабее замечает инфраструктурные улучшения по сравнению с мерами прямой поддержки.	Усиление ощущения несправедливости и неравенства стартовых возможностей детей, что подрывает доверие к социальной политике как к механизму обеспечения равных шансов.
Старость	Увеличение продолжительности жизни и расширение охвата услугами долговременного ухода закреплены в национальных целях и в направлении «Старшее поколение» нацпроекта «Семья».	Ожидание достойной, безопасной старости и надёжного ухода за пожилыми родителями, который не разрушает ресурс семьи.	Неполная зрелость системы долговременного ухода, кадровый и финансовый дефицит, региональная неоднородность; наличие частного сегмента ухода с неодинаковым уровнем контроля.	Признание старости приоритетом не всегда сопровождается гарантией безопасного и качественного ухода; отдельные ЧП в частных пансионатах обнажают уязвимость контроля и регулирования.	Рост тревожности и недоверия к институтам заботы, усиление нагрузки на семьи, риск восприятия старости как зоны повышенной социальной незащищённости.

ду высокой ценностной легитимностью этих форм жизнедеятельности и неравномерностью их ресурсного и инфраструктурного обеспечения. Важно интерпретировать сложившуюся ситуацию как парадигмальную особенность текущего этапа российской социальной трансформации, а не как демографический тупик.

Устойчивое развитие института семьи и брака как союза мужчины и женщины на основе сохранения традиционных ценностей многонационального русского народа, возрождение многопоколенной многодетной семьи в новых условиях становятся стратегической целью демографического развития страны,

важнейшим условием социально-политической устойчивости российского общества. Для её достижения потребуются проявление политической воли и интеллекта российского государства, объединённых с интересами и инициативами гражданского общества. В этом контексте партнёрство государства и гражданского общества приобретает принципиальное стратегическое значение: оно должно выступать не декоративным сопровождением государственной политики, а реальным механизмом раннего выявления зон напряжения и совместно-результативно убедительного ответа на них граждан и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новая парадигма развития России в XXI веке: Комплексные исследования проблем устойчивого развития: идеи и результаты / Л.И. Абалкин, В.В. Аксёнов, Ю.П. Алтухов и др. 2-е изд.: Academia, 2000. EDN CGKUSE.
2. Национальные цели развития России и ключевые индикаторы устойчивости / С.Н. Бобылёв, А.В. Барабошкина, А.А. Курдин и др. // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2025. Т. 60. № 1. С. 40–59. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-3. EDN TBGQTA.
3. Как живёшь, Россия? Экспресс-информация. 55-й этап всероссийского социологического мониторинга, май 2025 года / В.К. Левашов, Н.М. Великая, И.С. Шушпанова и др. М.: ФНИСЦ РАН, 2025. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025. EDN ERLAQU.
4. Летова Н.В. Семейная политика как основа сохранения и обеспечения ценностей в Российской Федерации // Социально-политические науки. 2024. Т. 14. № 1. С. 58–66. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-1-58-66. EDN CJJRXU.
5. Валиахметов Р.М. Семейная политика и социальные практики в регионах России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2014. № 4. С. 61–64. EDN SDYNXD.
6. Летова Н.В. Традиционные семейные ценности: морально-нравственная основа государства // Пробелы в российском законодательстве. 2024. Т. 17. № 1. С. 53–60. DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-1-053-060. EDN OABAKP.
7. Розенова М.И. Семантические особенности и зоны психологического напряжения в образе семьи у российских школьников, студентов и молодёжи с высшим образованием // Вестник практической психологии образования. 2025. Т. 22. № 3–2. С. 119–141. DOI: 10.17759/bppe.2025220308. EDN XHUGTS.
8. Ростовская Т.К., Кучмаева О.В., Золотарёва О.А. Студенческая семья в России: детерминанты вступления в брак // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2023. Т. 23. № 1. С. 40–60. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60. EDN JVTJVQ.
9. Государственная поддержка семей с детьми в Российской Федерации. Национальные проекты «Демография» и «Семья» / Под общ. ред. Н.А. Останиной. М.: Издание Государственной Думы, 2025.
10. Сергеева А.В., Максимова М.Н. Специфика системы долговременного ухода за гражданами пожилого возраста и инвалидами // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 10 (160). DOI: 10.60797/IRJ.2025.160.62. EDN CBOSVJ.
11. Сафонов А.Л., Тимонин И.И., Шеожев Х.В. Оценка реализации системы долговременного ухода и её бюджетирования в Российской Федерации // Креативная экономика. 2024. Т. 18. № 7. С. 1801–1816. DOI: 10.18334/ce.18.7.121179. EDN JPXJPY.
12. Безрукова О.Н., Самойлова В.А. Семейные ценности и благополучие подростков в полных и разведённых российских семьях: исследование в малом городе и мегаполисе // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 4. С. 669–688. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-4-669-688. EDN KNYXNS.
13. Артамонова А.В. Траектории формирования российской семьи: изменения и факторы, их определяющие // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 2. С. 110–134. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5847. EDN USNGRK.
14. Козловский В.В., Панкратова Л.С., Светлов Р.В. Ценности семьи в представлениях студентов российских вузов // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2025. Т. 25. № 4. С. 649–668. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-4-649-668. EDN KTOOYV.
15. Скоков И.С., Колганова Н.Ю., Мусин Э.Р. Доступность дошкольных образовательных учреждений в России: социально-экономические детерминанты и связь с демографической ситуацией // Креативная экономика. 2025. Т. 19. № 12. С. 3445–3464. DOI: 10.18334/ce.19.12.124261. EDN PDXNLZ.
16. Тонких Н.В., Бурдасова Д.А., Бегичева С.В. Региональная дифференциация обеспеченности населения России детскими дошкольными учреждениями // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16. № 4. Статья 11. EDN JBNZGW.

Institutions of the Family, Childhood, and Older Generations in the Paradigm of Sustainable Demographic Development of Russian Society

Levashov Viktor Konstantinovich — Doctor of Sociological Sciences, Director of the Institute of Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISPR FCTAS RAS).

E-mail: levachov@mail.ru

Novozhenina Olga Petrovna — Senior Research Fellow, ISPR FCTAS RAS.

E-mail: olganov@yandex.ru.

The article examines current issues in the sustainable development of the institutions of the family, childhood, and dignified old age in the context of the national development goals of the Russian Federation for 2030-2036. Drawing on strategic documents, data from VCIOM and FOM, the monitoring study "How Are You Living, Russia?" (ISPR FCTAS RAS, 55th wave), and peer-reviewed publications from 2022-2026, the authors assess the extent to which the actual state of these social institutions corresponds to the priorities declared by the state. A stable pattern is identified: strong normative and value-based support for all three institutions coexists with pronounced gaps between state priorities and the actual conditions for their implementation. In the case of the family institution, this gap is determined by the dependence of family and reproductive strategies on housing affordability and income stability. In the sphere of childhood, property-based and territorial segmentation of citizens' access to high-quality infrastructure is observed. The institution of dignified old age is characterized by the immaturity of service and long-term care systems against the background of increasing life expectancy. The article substantiates that accumulated failures and gaps are transformed from private social difficulties into risks to institutional trust and socio-political stability. The authors conclude that normative priorities must be synchronized with the resource and infrastructure conditions required for their implementation.

Keywords: national development goals, National Project "Family", social institutions, socio-political stability, social justice, value consensus, trust in institutions, normative gaps, zones of social tension, family institution, family policy, transformation of family practices, reproductive behavior, childhood infrastructure, property-based segmentation, regional inequality of access, dignified old age, long-term care system

REFERENCES

1. Novaya paradigma razvitiya Rossii v XXI veke: Kompleksnye issledovaniya problem ustoichivogo razvitiya: idei i rezul'taty / L.I. Abalkin, V.V. Aksyonov, Yu.P. Altukhov i dr. 2-e izd.: Academia, 2000. EDN CGKUSF (in Russian).
2. Natsional'nye tseli razvitiya Rossii i klyuchevye indikatory ustoichivosti / S.N. Bobilyov, A.V. Baraboshkina, A.A. Kurdin i dr. // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika. 2025. T. 60. № 1. S. 40–59. DOI: 10.55959/MSU0130-0105-6-60-1-3. EDN TBGQTA (in Russian).
3. Kak zhivyosh', Rossiya? Ekspress-informatsiya. 55-i etap vserossiiskogo sotsiologicheskogo monitoringa, mai 2025 goda / V.K. Levashov, N.M. Velikaya, I.S. Shushpanova i dr. M.: FNISTS RAN, 2025. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-441-3.2025. EDN ERLAQU (in Russian).
4. Letova N.V. Semeinaya politika kak osnova sokhraneniya i obespecheniya tsennostei v Rossiiskoi Federatsii // Sotsial'no-politicheskie nauki. 2024. T. 14. № 1. С. 58–66. DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-1-58-66. EDN CJRXU (in Russian).

5. Valiakhmetov R.M. Semeinaya politika i sotsial'nye praktiki v regionakh Rossii // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2014. № 4. S. 61–64. EDN SDYNXD (in Russian).
6. Letova N.V. Traditsionnye semeinye tsennosti: moral'no-nravstvennaya osnova gosudarstva // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2024. T. 17. № 1. S. 53–60. DOI: 10.33693/2072-3164-2024-17-1-053-060. EDN OABAKP (in Russian).
7. Rozenova M.I. Semanticheskie osobennosti i zony psikhologicheskogo napryazheniya v obraze sem'i u rossiiskikh shkol'nikov, studentov i molodyozhi s vysshim obrazovaniem // Vestnik prakticheskoi psikhologii obrazovaniya. 2025. T. 22. № 3–2. S. 119–141. DOI: 10.17759/bppe.2025220308. EDN XHUGTS (in Russian).
8. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Zolotaryova O.A. Studencheskaya sem'ya v Rossii: determinanty vstupleniya v brak // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2023. T. 23. № 1. S. 40–60. DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-1-40-60. EDN JVTJVQ (in Russian).
9. Gosudarstvennaya podderzhka semei s det'mi v Rossiiskoi Federatsii. Natsional'nye proekty «Demografiya» i «Sem'ya» / Pod obshch. red. N.A. Ostaninoy. M.: Izdanie Gosudarstvennoi Dumy, 2025 (in Russian).
10. Sergeeva A.V., Maksimova M.N. Spetsifika sistemy dolgovremennogo ukhoda za grazhdanami pozhilogo vozrasta i invalidami // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2025. № 10 (160). DOI: 10.60797/IRJ.2025.160.62. EDN CBOSVJ (in Russian).
11. Safonov A.L., Timonin I.I., Sheozhev Kh.V. Otsenka realizatsii sistemy dolgovremennogo ukhoda i eyo byudzhetirovaniya v Rossiiskoi Federatsii // Kreativnaya ekonomika. 2024. T. 18. № 7. S. 1801–1816. DOI: 10.18334/ce.18.7.121179. EDN JPXJPY (in Russian).
12. Bezrukova O.N., Samoilova V.A. Semeinye tsennosti i blagopoluchie podrostkov v polnykh i razvedyonnykh rossiiskikh sem'yakh: issledovanie v malom gorode i megapolise // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2025. T. 25. № 4. S. 669–688. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-4-669-688. EDN KNYXNS (in Russian).
13. Artamonova A.V. Traektorii formirovaniya rossiiskoi sem'i: izmeneniya i faktory, ikh opredelyayushchie // Sotsiologicheskii zhurnal. 2018. T. 24. № 2. S. 110–134. DOI: 10.19181/socjour.2018.24.2.5847. EDN USNGRK (in Russian).
14. Kozlovskii V.V., Pankratova L.S., Svetlov R.V. Tsennosti sem'i v predstavleniyakh studentov rossiiskikh vuzov // Vestnik RUDN. Seriya: Sotsiologiya. 2025. T. 25. № 4. S. 649–668. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-4-649-668. EDN KTOOYV (in Russian).
15. Skokov I.S., Kolganova N.Yu., Musin E.R. Dostupnost' doskol'nykh obrazovatel'nykh uchrezhdenii v Rossii: sotsial'no-ekonomicheskie determinanty i svyaz' s demograficheskoi situatsiei // Kreativnaya ekonomika. 2025. T. 19. № 12. S. 3445–3464. DOI: 10.18334/ce.19.12.124261. EDN PDXNLZ (in Russian).
16. Tonkikh N.V., Burdasova D.A., Begicheva S.V. Regional'naya differentsiatsiya obespechennosti naseleniya Rossii detskimi doskol'nymi uchrezhdeniyami // Vestnik evraziiskoi nauki. 2024. T. 16. № 4. Stat'ya 11. EDN JBNZGW (in Russian).